

Ольга Сенькова

«Я С ЭТИМИ ЛЮДЬМИ В ОДИН АВТОЗАК НЕ СЯДУ»: СОЛИДАРНОСТИ И КОНФЛИКТЫ В ФЕМИНИСТСКИХ ИНИЦИАТИВАХ ПЕТЕРБУРГА

Статья посвящена анализу солидарностей и противостояний, возникающих среди участниц феминистских инициатив Петербурга, включающих в себя жизненно-стилевые стратегии, основанные на принятии (либо отрицании) тех или иных ценностей, норм и смыслов. Статья выстроена в логике солидарного подхода, в рамках которого феминистские инициативы понимаются как молодежные культурные формирования и рассматриваются с целью выделения основных линий ценностно-культурных притяжений и конфликтов. За основу взяты 28 интервью с участницами феминистских инициатив Петербурга в возрасте от 17 до 39 лет, подкрепленные 32 днями включенного этнографического наблюдения. Сбор эмпирического материала проводился с 2015 по 2017 гг. Особое внимание в статье уделяется полевым рефлексиям исследовательницы, в том числе посвященным становлению её собственной феминистской идентичности. Несмотря на то, что «женский вопрос» обсуждается в России с середины XIX в., современный отечественный контекст, в силу своей консервативности, не является благоприятным для развития феминизма. В то же время наблюдается активный рост низовых, «уличных» феминистских инициатив, участницы которых не только по-разному определяют цели своей борьбы, но и следуют различным критериям при определении «своих» и «чужих» в феминистском поле. Анализ эмпирических данных показал, что, несмотря на существование актуальной феминистской повестки, объединяющей участниц инициатив, информантки имеют различные взгляды на её интерпретацию: с одной стороны, акцент ставится на защиту прав женщин, с другой стороны – на противодействие всем видам дискриминации через сотрудничество с активистами левого политического спектра,

---

Ольга Аркадьевна Сенькова – магистр социологии, стажер-исследователь Центра молодежных исследований, Национальный исследовательский университет Высшая Школа Экономики, Санкт-Петербург, Россия; аспирантка, факультет социологии, Карлов Университет, Прага, Чешская Республика. Электронная почта: oasenkovao@gmail.com

внесистемной оппозиции, ЛГБТИК, зоозащитниками. Особое внимание уделяется категории гендерного режима в активистских сообществах, который чаще всего определяется как патриархатный и препятствующий совместному сопротивлению доминирующему консервативному дискурсу. Кроме того, важными линиями феминистских дискуссий оказывается гендерный аспект определения безопасного пространства, а также восприятие коммерческого секса как принуждения или свободного выбора. При этом, принятие или отрицание тех или иных ценностей выстраивается не в дихотомических оппозициях «за» или «против», а в неоднородных континуумах солидарностей.

Ключевые слова: гендерные исследования, феминизм, солидарности, молодежь, активизм

DOI: 10.17323/727-0634-2018-16-3-457-472

В современной России складывается противоречивая ситуация в отношении гендерной политики. Отсутствие чувствительности к гендерным вопросам проявляется как в общественном мнении (ВЦИОМ 2016), так и в риторике действующей власти при рассмотрении проблематики сексуального и домашнего насилия, трудовых и репродуктивных прав женщин. Так, в законодательстве существует список из 456 запрещенных для женщин профессий (Постановление Правительства РФ 2000), а осенью 2016 г. патриарх Кирилл подписал «Обращение граждан за запрет абортов» (Московский Патриархат 2016). Консервативный дискурс прослеживается и в содержании программных документов молодежной политики: в «Стратегии развития молодежи в РФ на период до 2025 года» неоднократно подчеркивается необходимость пропаганды «традиционных семейных ценностей» (Федеральное агентство по делам молодежи 2007), которые конструируются в противоположность западным.

В то же время «женский вопрос» появляется в отечественном контексте уже с середины XIX в. (Юкина 2007: 51), параллельно с возникновением «первой волны» феминизма на Западе. Сегодня, несмотря на главенство консервативного дискурса, в России наблюдается рост популярности феминистских идей. Особенно ярко эта тенденция проявляется в медийном пространстве: на таких новостных порталах федерального уровня, как Meduza, Colta, Wonderzine регулярно публикуются материалы, посвященные гендерным вопросам, а в социальных сетях активно развиваются русскоязычные феминистские сообщества («Бодипозитив», «Shut Your Sexist Mouth Up», «Check your privilege», «Феминизм: наглядно», «Школа феминизма», «Подслушано: феминизм», «Femics», «Сестра сестре! взаимопомощь» и другие).

В условиях трансформаций исторического контекста замысловатая траектория развития российского феминизма оказывает влияние на формирование его эклектичного характера. Участницы инициатив сосредоточены на таких разнообразных повестках, как противодействие насилию

и объективации, борьба за сексуальное освобождение, за репродуктивные и трудовые права женщин, поддержка ЛГБТИК (лесбиянок, геев, бисексуалов, трансгендеров, интерсексуалов, квир), защита прав работниц и работников коммерческого секса. Таким образом, изучаемое поле является противоречивым и характеризуется множественностью вызовов в консервативных условиях современной России. В этом контексте важен поиск ответа на вопрос, какие солидарности возникают в среде феминистских инициатив. Этот вопрос рассматривается ниже на эмпирическом материале петербургских активистских кругов.

В статье использованы результаты проекта «Продвижение молодежного участия и социального включения: возможности и вызовы в контексте межпоколенческих отношений», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2016 г. С 2015 по 2017 гг. собрано 28 полуструктурированных лейтмотивных интервью с информантками в возрасте от 17 до 39 лет, участницами низовых феминистских инициатив Петербурга. Интервью сфокусированы на биографических траекториях информанток, опыте феминистского активизма, рефлексиях участниц о развитии инициатив. Данные, собранные в ходе глубинных интервью, подкреплены включенным этнографическим наблюдением, проводившимся в течение 32 дней в рамках волонтерской работы на феминистских фестивалях «Ребра Евы», «LaDIY Fest», посещения кружка робототехники, дискуссионного клуба «Фем-встречи в Петербурге», феминистской библиотеки «ФемИнфотека», кинопросмотров, лекций, выставок и мастер-классов, а также отдельных уличных акций (митинг 8 марта 2016 г., пикет за право на аборт 8 октября 2016 г., демонстрация 1 мая 2017 г.). Все данные были полностью анонимизированы с целью сохранения конфиденциальности и безопасности информанток.

Исследование выстроено в традиции качественной парадигмы социального анализа: интерпретация собранных данных предполагает реконструкцию опыта участниц исследования, при этом создание универсальных объяснительных моделей не входит в задачи работы.

Позиция исследовательницы в поле

Изначально мною выбрана роль наблюдательницы как участницы (Gold 1958: 220), предполагающая минимальную вовлеченность в деятельность инициатив. Однако сохранение такой позиции во время полевой работы оказалось проблематичным. При подключении к различным феминистским инициативам, я обозначала свою роль исследовательницы, но без самоидентификации как феминистки, доступ в поле оказался бы затрудненным. Поэтому, следуя тезису Роберта Эмерсона с коллегами (Emerson et al. 1995: 1), утверждавших, что проведение этнографического наблюдения исключает возможность принятия исследователем роли

пассивного наблюдателя, я старалась воспринимать собственную идентичность как фактор, вносящий большую долю субъективности, в то же время – как один из инструментов анализа.

Установление доверительных отношений с информантками предполагало взаимный обмен опытом: в поле часто было необходимо подробно рассказывать о своей биографии и мотивации писать работу о феминизме. Иногда в процессе включенного наблюдения оказывалось важным и активистское сотрудничество. В таких условиях отказ от эмоциональной вовлеченности в поле, сохранение отстраненной позиции исследовательницы и управление собственной идеологической ангажированностью оказались трудновыполнимыми методологическими задачами. Для избегания морализаторства, мною велись подробные полевые записи с целью отражения исследовательской рефлексии: это помогало осознавать свою позицию социолога и отдавать себе отчет в возможной предвзятости.

Таким образом, основные сложности при сборе этнографического материала были связаны со степенью моей включенности в поле, с постоянным поиском баланса «своя – чужая» и конструированием собственной роли исследовательницы. При этом, сокращение дистанции при общении с информантками, а также сотрудничество с исследователями гендерной проблематики в Петербурге, способствовали формированию моей собственной феминистской идентичности. После окончания сбора интервью я приняла участие в ряде публичных феминистских проектов. Так, новый для меня опыт вовлечения в публичную социологию помог мне выстроить более эгалитарные отношения с информантками через осуществление «обратной связи».

Отечественный феминизм в академических исследованиях

В России «женский вопрос» возникает еще в XIX в., после либеральных реформ 1850–1860-х гг. (Айвазова 1995: 124; Стайтс 2004: 30; Юкина 2007: 51), а после революции 1917 г. наблюдается подъем женской активности, которая, по словам Ольги Шныровой, не имеет отношения к феминизму (Шнырова 2012: 57). Однако, по мнению Александра Кондакова, в СССР обретает популярность феминистская мысль, по содержанию близкая идеям Джудит Батлер, одной из вдохновительниц третьей волны феминизма, возникшей на Западе в 1980–1990-е гг. Уже в 1919 г. российская революционерка Александра Коллонтай настаивает на необходимости отказа от «традиционных» гендерных отношений и полоролевых стереотипов, основанных на порождающих сексуальное неравенство бинарных оппозициях «мужское/женское» (Кондаков 2013: 9). Впрочем, в СССР идеология «материнского долга» женщины медленно, но верно входит в оборот политического манипулирования, а с 1930-х гг. начинается репрессивная политика в сфере сексуальности и репродуктивных прав (Здравомыслова 2009: 109).

В 1970–1980-х гг. в России появляются независимые женские организации (Kondakov 2012: 37; Шнырова 2012: 52), для которых характерна замкнутость и хрупкость солидарных связей (Здравомылова 1996: 34; Kondakov 2012: 37). После перестройки насчитывается около 300 официально зарегистрированных женских объединений, а также возникают неофициальные женские клубы, группы, ассоциации (Айвазова 1995: 130), которые не определяют себя как феминистские, так как понятие «феминизм» в отечественном дискурсе сохраняет негативные коннотации (Айвазова 1995: 130; Здравомылова 1996: 35). В 1992 г. в Петербурге начинает работать Институт недискриминационных гендерных отношений, в 1996 г. появляются кризисный центр «Александра», а также государственные кризисные центры для женщин (Johnson et al. 2016: 291). В то же время, несмотря на интеграцию России с начала 1990-х гг. в международную политику, в том числе направленную на защиту прав женщин, в постсоветском пространстве вступает в силу патриархатная идеология, повсеместно проявляющаяся в «сексистских политиках и практиках» (Johnson, Saarinen 2013: 546; Temkina, Zdravomyslova 2014: 259).

Актуальный отечественный контекст, формирующийся в условиях всемирного демократического спада с середины 2010-х гг., характеризуется исследователями как «гибридный» режим, в котором авторитарные элементы существуют наравне с имитацией демократических процессов (Johnson et al. 2016: 288; Temkina, Zdravomyslova 2014: 266). Консервативный дискурс оказывается особенно сильным в ущемлении репродуктивных прав женщин, репрессиях сексуальных меньшинств, противостоянии сексуальному образованию (Temkina, Zdravomyslova 2014: 259). На международном уровне Россия представляет собой оплот социального консерватизма и защиты «традиционных» семейных ценностей, значение которых конструируются в противопоставлении европейской сексуальной демократии (Stella, Nartova 2015: 47). При этом, сила консервативной идеологии определяется не только активностью официальных представителей власти, но и сегментов гражданского общества, получающих поддержку РПЦ, которая пропагандирует «традиционные» гендерные стереотипы (Temkina, Zdravomyslova 2014: 263; Willems 2014: 405) и рассматривает законодательство, направленное на борьбу с домашним насилием, как антисемейное (Johnson 2009: 38; Johnson et al. 2016: 300).

В данном контексте любые проявления феминизма конструируются как противоречащие эссенциалистским «традициям» русской культуры, представляя собой угрозу моральным устоям и безопасности российского общества (Temkina, Zdravomyslova 2014: 263). По мнению исследователей, подобный полуавторитарный режим исключает любую политическую возможность для феминистских проектов (Johnson, Saarinen 2013: 561). Впрочем, в условиях консервативного давления, ограничений и запретов, возникновение протеста является неизбежным (Кондаков 2013: 12). Еще с начала 1990-х гг. важным агентом в борьбе за гендерное равенство выступали отечественные гендерные

исследовательницы и исследователи, а с 2010-х гг. начинается новая волна феминистского активизма (Sperling 2014: 48).

Ряд отечественных ученых и активистов, изучающих гендерную проблематику, вслед за западными коллегами, обращаются к парадигме квир-теории, подрывающей субъективно сконструированное бинарное понятие идентичности как фиксированной, стабильной и цельной сущности, заменяя его на постоянно трансформирующуюся само-концептуализацию (Valocchi 2005: 754). По мнению Аллы Митрофановой, квир не может являться идентичностью, но представляет собой дискурсивный порядок, «который устанавливается в наших исторических и политических условиях» (Митрофанова 2014: 336). Кондаков, опираясь на квир-теорию, утверждает, что в отечественном контексте «может существовать такой феминизм, который был бы лишен своей гендерной основы» (Кондаков 2013: 8). В то же время, по мнению Валерия Созаева, применение отечественными активистками и активистами «западной» квир-теории на практике не может быть уместным в условиях современной России (Созаев 2010: 121).

Вклад гендерных исследований в развитие отечественного феминизма сложно переоценить: именно благодаря публичной активности ученых в современной России наблюдается рост интереса к феминистской проблематике среди образованной молодежи (Temkina, Zdravomyslova 2014: 258). Однако, по мнению Ирины Тартаковской, академическая феминистская наука и низовые феминистские инициативы не всегда действуют в одной плоскости: «при схожем пафосе разные идеи, разные методы и, наконец, разные судьбы. Феминистки-теоретики находятся в гораздо более привилегированном положении, пользуясь, хотя бы отчасти, привилегией входить в академический истеблишмент» (Тартаковская 2008: 10). Именно по этим причинам в статье рассматриваются низовые феминистские инициативы, участницы которых не всегда оказываются включенными в академическую жизнь, и являются менее защищенными.

Соглашаясь со Шныровой, определяющей отечественный феминизм как «постмодернистский», эклектичный, но при этом являющийся частью гражданского общества (Шнырова 2012: 58), при рассмотрении феминистских инициатив я использую аналитический концепт солидарности, понимаемой как «особая современная форма молодежной социальности», ядром которой является «разделяемая и практикуемая (прямо или опосредованно) жизненно-стилевая стратегия» (Омельченко 2013: 59). Солидарности, создающие коллективно понимаемый смысл в рамках индивидуальных жизней, не являются стилистически или нормативно фиксированными позициями (Pilkington, Omel'chenko 2013: 213). В данной работе солидарный подход позволяет сосредоточиться на понимании феминистских инициатив как молодежных культурных формирований, анализ которых выстраивается через рассмотрение их природы, внутри- и межгрупповой коммуникации, с целью выделения основных линий притяжений и отталкиваний.

«Свои» и «чужие»: векторы ценностно-культурных напряжений

В качестве основной феминистской повестки участницами инициатив обозначается противодействие трудовому неравенству, насилию по отношению к женщинам и ущемлению репродуктивных прав. По словам активистки, выступавшей на митинге 8 марта 2016 г.: «эта система залезла женщинам в карман, в трусы, в матку и в сознание, и продолжает тянуть туда свои грязные руки». Основными лозунгами, прозвучавшими на митингах 8 марта в 2016 и 2017 гг., были: «Одна работа – одна зарплата, внешний вид – не мерило оклада», «Феминизм – про достойные зарплаты для всех!», «Сексистский дресс-код – неверный подход», «Затыкаешь рот пострадавшим – поддерживаешь насильника», «Что бы я ни надела, куда бы я ни пошла, нет – значит нет, да – значит да», «Мое тело – мое дело».

При этом, различные интерпретации феминистской повестки имеют противоречивый характер. С одной стороны, для участниц феминистских инициатив оказывается первостепенной борьба женщин за свои права. Так, основной целью феминистского проекта «Ребра Евы» является «борьба с замалчиванием гендерного насилия, а именно насилия и дискриминации в адрес женщин. Наша цель – научить женщин говорить о том, что происходит с ними на самом деле каждый день» (Ребра Евы 2017). С другой стороны, многие участницы инициатив не могут помыслить свою включенность в борьбу вне противодействия множественной дискриминации, придавая особую значимость поддержке общечеловеческих ценностей и объединению против всех форм неравенства. Такая позиция проявляется, например, в лозунгах, прозвучавших на митингах 8 марта: «Феминизм – про равное и уважительное отношение ко всем», «Пока существуют изнасилования, не может быть никакого мира, справедливости и равенства». Она также звучит и в нарративах информанток: «Я не ограничиваю, то есть не только как бы женщины для меня важны, для меня важны и другие угнетенные и мигранты, и мужчины угнетенные» (И. № 21). Совместная борьба за общие ценности реализуется в сотрудничестве с активистами левого политического спектра, ЛГБТИК-инициативами, внесистемной оппозицией, зоозащитниками: «Выступить на антифашистском митинге – запросто, стихи рассказать – запросто. Все равно есть какие-то общие идеи, которые всех объединяют» (И. № 14).

В данном контексте особое внимание уделяется проблематизации гендерного режима в активистских сообществах. Так, патриархатные нормы, определяющие гендерный режим в мейнстримном обществе, оказываются вплетенными в паттерны взаимодействия в ЛГБТИК-сообществе (представляющем собой часть обширного феминистского поля), для которого, по словам информанток, оказывается характерной «внутренняя гомофобия, гомофобия просто у людей, которые, ну, практикуют гомосексуальные

отношения, но при этом гомофобные, поскольку патриархальны» (И. № 21). По мнению большинства участниц феминистских инициатив, патриархальный гендерный режим продолжает существовать и в рамках активистского сообщества левого политического спектра, участники которого уделяют недостаточно внимания феминистским идеям: «если чувак топит за свободу, совсем необязательно, что он имеет ввиду еще и женщин» (И. № 16). В данных сообществах часто происходит установление властных иерархий, основанных на конструировании гендерных различий:

И как бы самое главное в таких вот латентных мачистских организациях – никогда не отказывать вождям [в сексуальных домогательствах]. Вот мне повезло отказать в обоих случаях, в двух организациях, где я состояла. Очень быстро тебя оттуда «уйдут», то есть найдут способы (И. № 26).

В процессе поиска легитимных интерпретаций гендерного режима в активистских сообществах, информантками актуализируются категории доверия и близких эмоциональных связей, позволяющих, с одной стороны, выстраивать сквозные векторы солидарности, с другой стороны, относить потенциальных союзников к категории «чужие»:

Оказывается, что типа даже вот там наши товарищи, которых там мы считали товарищами, просто как бы так, по приколу используют типа вот эту вот ну, как бы вот этот вот язык там власти, объективацию, я не знаю, и все такое (И. № 16).

Другая информантка, описывая опыт сотрудничества с мужчинами-активистами, подтверждает:

Я с этими людьми в один автозак не сяду, вот честное слово. Мне почему обидно, потому что нас видят вместе, мне противно сидеть с ними вместе, если они смотрят на меня вот с позиции мужика такого вот (И. № 26).

В контексте установления сквозных векторов солидарности с более широкими активистскими сообществами, участницы феминистских инициатив переосмысливают существующие гендерные режимы. Паттерны коммуникации с активистами, часто определяемые информантками как патриархатные и сексистские, делают затруднительной совместную солидаризацию в противодействии доминирующему консервативному дискурсу. С одной стороны, в отдельных инициативах происходит выстраивание исключительно-женского (*male-free*) пространства. Определяя мужчин как «чужих» и утверждая о невозможности их включения в феминистскую борьбу, информантки обращаются к эссенциалистской риторике доминирования мужчин над женщинами:

И.: А кто тогда враги посерьезнее?

Р.: Ну, мужчины. Не все, но как бы правящий ну класс такой вот, ну как бы мужчины, ну которые непосредственно против женщин (И. № 4).

Кроме того, участницы инициатив аргументируют отказ от включения мужчин необходимостью борьбы женщин за пространство для высказывания:

И я очень часто наблюдала ситуации, когда приходит белый цисгендерный мужчина на встречу феминисток и в итоге встреча феминисток превращается в то, что мужчина говорит, женщины молчат, или мужчина говорит о том, какие у меня привилегии, объясните. Женщины по кругу все ему объясняют. По сути, вся встреча сводится к этому мужчине (И. № 9).

С другой стороны, информантки подчеркивают необходимость включения мужчин в инициативы, настаивая на необходимости совместной солидаризации против доминирующего гендерного режима:

Только вместе мы можем как бы вместе там мужчины и женщины, они могут стать феминистами они могут преодолеть вот этот патриархальный барьер, который мешает всем жить, не только женщинам, но и мужчинам тоже (И. № 19).

В то же время для многих участниц инициатив оказывается важным отказ от бинарных гендерных оппозиций «женского» и «мужского»: в их нарративах актуализируется сочетание принципов квир- и феминистской теории, в рамках которой гендерная идентичность не принимается во внимание при определении «своих» и «чужих»:

Квир – это более такая, более анархистски-окрашенная вещь, и которая...ну, где одинаково как бы важно...не знаю там, ну не женщины, не цис-женщины, а любые гендерные проявления (И. № 5).

Наконец, важной линией дискуссий для участниц феминистских инициатив оказывается отношение к коммерческому сексу. Противоречивые дебаты на эту тему являются частью обширного поля «феминистских секс-войн» (Кондаков 2017: 173; Сенькова 2018: 79). Сторонницы неоаболиционистского подхода определяют секс за деньги как современную форму рабства и однозначно вредоносную практику, а секс-работниц – как её жертв:

Сомневаюсь, что это могло быть какой-то мечтой или, что-то вроде, не знаю, выбор пойти работать в эту кафешку или в другую. Все-таки, это, ну не стала я бы называть это профессией, все-таки эта деятельность связана с нарушением твоих личностных границ и все равно, так или иначе, она тебя начнет угнетать (И. № 11).

Для неоаболиционисток добровольное оказание секс-услуг и секс-траффикинг являются синонимичными понятиями – и то и другое представляется как «ненормальная», насильственная практика:

Вообще меня наверно больше всего беспокоит проблема проституции. Ну, траффик, принуждение девушек. То, в каком количестве их принуждают этим заниматься (И. № 11).

Для сторонниц определения коммерческого секса как свободного выбора важной категорией является агентность работниц секс-бизнеса: *«Есть люди, которые действительно хотят это делать. Если были бы нормальные условия, я очень много думала над тем, чтобы самой это делать»* (И. № 17). Другая информантка подтверждает: *«Даже если допустить, что проституция, она уничтожает женщин, что делать с теми женщинами, которые убегают и идут туда?»* (И. № 9). Секс за деньги в данной риторике воспринимается как деятельность, которая характеризуется высокими рисками, но при этом является трудовой: *«Я думаю, что нужно создать безопасные условия для работы девушек, ну и мужчин тоже»* (И. № 17).

В то же время многие участницы феминистских инициатив придерживаются нейтральных, либо неустойчивых позиций в восприятии коммерческого секса. Именно их голоса оказываются наименее слышны в публичных дискуссиях:

Мне не близка мысль, что это никогда в принципе ни при каких условиях не может быть добровольным выбором. И вот это моя позиция. Она не вот та и не вот та. И я не хочу, чтобы меня перетягивали куда-то. Не хочу в принципе про это спорить (И. № 15).

С одной стороны, четкое обозначение своей позиции оказывается неотделимым от (само)идентификации «своя – чужая» в инициативах и часто приводит к конфликтам: *«Вокруг отношения к секс-работе много разных споров, куча феминисток поломали на этом копыя, ненавидят друг друга»* (И. № 22). С другой стороны, отказ от высказывания аргументируется убежденностью в невозможности структурных изменений (в том числе, посредством внедрения «шведской модели» криминализации клиента) в отечественном контексте: *«Это просто еще один закон, который будет не работать и будет использоваться, как все законы в России»* (И. № 10).

Заключение

История феминизма в России характеризуется сложностью и противоречивостью различных повесток. Сегодня консервативный дискурс, конструируемый властными элитами, которые апеллируют к необходимости поддержания «традиционных ценностей» способствует формированию патриархатного характера политической культуры, представляющего собой, с одной стороны, серьезный вызов для роста низовых феминистских инициатив, с другой – предпосылку для их формирования.

Несмотря на сплоченность участниц в противостоянии доминирующему социальному дискурсу, в феминистских инициативах возникают векторы культурно-ценностных напряжений, которые нередко приводят к открытым конфликтам. Во-первых, конфликты оказываются связанными с интерпретацией феминистской повестки: если одни участницы акцентируют внимание

на важности борьбы за права женщин, то для других оказывается перво-степенным противостояние множественной дискриминации. Во-вторых, конфликты среди участниц инициатив возникают в процессе сотрудничества с активистами, которые идентифицируются информантками как мужчины, производящие насилие и устанавливающие патриархатный гендерный режим в активистских сообществах. В-третьих, важную линию разногласий среди информанток представляют споры об инклюзивности «не-женщин» в феминистские инициативы: если одни участницы настаивают на необходимости создания *male-free* пространства, то для других оказывается важной деконструкция бинарных дихотомий мужское/женское. Наконец, конфликты возникают при обсуждении коммерческого секса: для одних информанток секс за деньги может являться свободным выбором и трудовой деятельностью, в то время как для других существование секс-бизнеса противоречит самим основам феминистского мировоззрения.

Линии конфликтов часто совпадают с линиями солидарностей, в рамках которых принятие или отрицание тех или иных ценностей служит маркерами выстраивания границ через обозначение участниц инициатив как «своих» или «чужих». Возникающие линии конфликтов и солидарностей представляют спектр мнений, проявляющийся не в дихотомических ценностных оппозициях, а в неоднородных смысловых континуумах.

Характеристика информанток

№	возраст	образование	Длительность интервью
1	17	среднее	120 мин.
2	21	неоконченное высшее (студентка ВУЗа)	123 мин.
3	21	неоконченное высшее	91 мин.
4	21	среднее специальное	92 мин.
5	22	высшее	90 мин.
6	22	высшее	114 мин.
7	24	среднее специальное	120 мин.
8	24	неоконченное высшее	83 мин.
9	24	неоконченное высшее (студентка ВУЗа)	79 мин.
10	25	высшее	82 мин.
11	25	неоконченное высшее (студентка ВУЗа)	84 мин.
12	26	высшее	52 мин.
13	26	высшее	59 мин.
14	26	высшее	47 мин.
15	26	высшее	82 мин.
16	28	высшее	156 мин.

17	27	высшее	71 мин.
18	27	высшее	86 мин.
19	27	высшее	162 мин.
20	27	неоконченное высшее	124 мин.
21	29	высшее	70 мин.
22	29	высшее	60 мин.
23	29	высшее	57 мин.
24	30	высшее	87 мин.
25	31	высшее	107 мин.
26	32	высшее	87 мин.
27	36	высшее	89 мин.
28	39	высшее	97 мин.

Список источников

Айвазова С. Г. (1995) Женское движение в России: традиции и современность. *Общественные науки и современность*, (2): 121–130.

ВЦИОМ (2016) *Пресс-выпуск № 3200 Насилие. Безнаказанность. Возмездие?* Доступно по ссылке: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115864> (дата обращения: 10 октября 2017).

Здравомыслова Е. А. (1996) Коллективная биография современных российских феминисток. Е. Здравомыслова, А. Темкина (ред.) *Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период*. СПб.: Центр независимых социальных исследований: 33–60.

Здравомыслова Е. А. (2009) Гендерное гражданство и абортная культура. Е. А. Здравомыслова, А. А. Темкина (ред.) *Здоровье и доверие: гендерный подход к репродуктивной медицине*. СПб.: Издательство ЕУСПб: 108–135.

Кондаков А. (2013) Дерадикализация российского феминизма, или как Джудит Батлер, наконец, встретила Александру Коллонтай. *Неприкосновенный запас*, 88 (2): 67–81.

Кондаков А. (2017) Рабство и господство как взаимные отношения: анализ договорных отношений в БДСМ. *Новое литературное обозрение*, 147 (5): 170–183.

Митрофанова А. (2014) Квир-феминизм как конструирование медиальных миров. А. Кондаков (ред.) *На перепутье: методология, теория и практика ЛГБТ и квир-исследований*. СПб.: Центр независимых социологических исследований: 55–67.

Московский Патриархат (2016) *Святейший патриарх Кирилл поставил подпись под обращением граждан за запрет абортов*. Доступно по ссылке: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4625720.html> (дата обращения: 10 октября 2017).

Омельченко Е. Л. (2013) Солидарности и культурные практики российской молодежи начала XXI века: теоретический контекст. *Социологические исследования*, (10): 52–61.

Постановление Правительства РФ (2000) *Об утверждении перечня тяжелых работ и работ с вредными или опасными условиями труда, при выполнении которых запрещается применение труда женщин № 162 от 25.02.2000*.

Ребра Евы (2017) *О нас*. Доступно по ссылке: <http://rebraevy.ru/ru/about/> (дата обращения: 10 октября 2017).

Сенькова О. (2018) «Особо не до либидо»: солидарности и политики сексуальности в низовых феминистских инициативах Петербурга. *Социология власти*, 30 (1): 79–100.

Созаев В. (2010) ЛГБТ-движение в России: портрет в интерьере. *Гендерные исследования* 20 (21): 90–126.

Стайтс Р. (2004) *Женское освободительное движение в России*. М.: РОССПЭН.

Тартаковская И. Н. (2008) Личное как политическое: вторая волна феминизма как эхо 1968-го. *Неприкосновенный запас*, 4 (60): 267–279.

Федеральное агентство по делам молодежи (2007) *Стратегия развития молодежи РФ на период до 2025 года*. Доступно по ссылке: <https://fadm.gov.ru/documents/download/348/> (дата обращения: 10 октября 2017).

Шнырова О. (2012) Российский феминизм: ждать ли новой волны? *Неприкосновенный запас*, 83 (3): 52–60.

Юкина И. И. (2007) *Русский феминизм как вызов современности*. СПб.: Алетейя.

Emerson R. M., Fretz R. I., Shaw L. L. (2011) *Writing ethnographic fieldnotes*. Chicago: University of Chicago Press.

Gold R. L. (1958) Roles in Sociological Fieldwork. *Social Forces*, 36 (3): 217–223.

Johnson J. E., Kulmala M., Jäppinen M. (2016) Street-level Practice of Russia's Social Policymaking in Saint Petersburg: Federalism, Informal Politics, and Domestic Violence. *Journal of Social Policy*, 45 (2): 287–304.

Johnson J. E., Saarinen A. (2013) Twenty-First-Century Feminisms under Repression: Gender Regime Change and the Women's Crisis Center Movement in Russia. *Signs*, 38 (3): 543–567.

Johnson J. E. (2009) *Gender Violence in Russia: The Politics of Feminist Intervention*. Bloomington: Indiana University Press.

Kondakov A. (2012) An essay on feminist thinking in Russia: to be born a feminist. *Опaтi Socio-Legal Series*, 2 (7): 33–47.

Pilkington H., Omel'chenko E. (2013) Regrounding Youth Cultural Theory (in Post-Socialist Youth Cultural Practice). *Sociology compass*, 7 (3): 208–224.

Sperling V. (2014) *Sex, politics, and Putin: political legitimacy in Russia*. Oxford: Oxford University Press.

Stella F., Nartova N. (2015) Sexual citizenship, nationalism and biopolitics in Putin's Russia. F. Stella, Y. Taylor, T. Reynolds, A. Rogers (eds.) *Sexuality, Citizenship and Belonging: Trans-National and Intersectional Perspectives*. London: Routledge: 24–42.

Temkina A., Zdravomyslova E. (2014) Gender's crooked path: Feminism confronts Russian patriarchy. *Current Sociology*, 62 (2): 253–270.

Valocchi S. (2005) Not Yet Queer Enough: The Lessons of Queer Theory for the Sociology of Gender and Sexuality. *Gender & Society*, 19 (6): 750–770.

Willems J. (2014) Why 'Punk'? Religion, Anarchism and Feminism in Pussy Riot's Punk Prayer. *Religion, State & Society*, 42 (4): 403–419.

'I WON'T GET IN THE SAME PRISON TRUCK WITH THESE PEOPLE': SOLIDARITIES AND CONFLICTS IN PETERSBURG FEMINIST INITIATIVES

This paper deals with Petersburg feminist initiatives, analyzed in the frame of solidarity approach to identify the main lines of value-cultural attractions and conflicts. The research is based on twenty-eight interviews with Petersburg feminists aged between seventeen and thirty-nine years old. The interviews are complemented by thirty-two days of participant ethnographic observation. The empirical material was collected from 2015 to 2017. The study is built in the frame of a qualitative paradigm of social analysis, and is based on reconstructions of the informants' experience. Particular attention is paid to personal field reflections, including those related to the development of my own feminist identity. Despite the fact that women-related questions have been active in Russia since the mid-nineteenth century, the current conservative domestic context is not favourable for the development of feminism. At the same time, grassroots feminist initiatives are growing, the participants of which not only define the goals of their struggle in different ways, but also follow different criteria in determining 'us' and 'them' in the feminist field. The analysis here shows that, despite the existence of an active agenda that unites feminists, informants have varying views on its interpretation. On the one hand, an emphasis is placed upon protecting women's rights; on the other hand, there is also a focus on counteracting all types of discrimination. Particular attention is paid to the gender regime in the activist communities, which is most often defined as blocking joint resistance to the dominant conservative discourse. Moreover, defining 'safe space', as well as the perception of commercial sex, are important lines of feminist discussions. At the same time, the acceptance or denial of certain values is not built on a binary opposition of 'for' or 'against', but in heterogeneous continuums of solidarities.

Keywords: gender studies, feminism, solidarities, youth, grassroots activism

DOI: 10.17323/727-0634-2018-16-3-457-472

References

Ajvazova S. G. (1995) Zhenskoe dvizhenie v Rossii: tradicii i sovremennost' [The Russian Women Movement: Traditions and Modernity]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], 2: 121–130.

Olga Senkova – research assistant, Center for Youth Studies, National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg, Russian Federation, PhD student, Faculty of Social Sciences, Charles University, Prague, Czech Republic. Email: oasenkovao@gmail.com

Emerson R. M., Fretz R. I., Shaw L. L. (2011) *Writing Ethnographic Fieldnotes*. Chicago: University of Chicago Press.

Eve's Ribs (2017) *About*. Available at: <http://rebraevy.ru/ru/about/> (accessed: 10 October 2017).

Federal'noe agentstvo po delam molodezhi (2007) *Strategiya razvitiya molodezhi RF na period do 2025 goda* [Strategy for the Development of the Youth of the Russian Federation for the Period up to 2025]. Available at: <https://fadm.gov.ru/documents/download/348/> (accessed 10.10.2017).

Gold R. L. (1958) Roles in Sociological Fieldwork. *Social Forces*, 36 (3): 217–223.

Johnson J. E. (2009) *Gender Violence in Russia: The Politics of Feminist Intervention*. Bloomington: Indiana University Press.

Johnson J. E., Kulmala M., Jäppinen M. (2016) Street-level Practice of Russia's Social Policymaking in Saint Petersburg: Federalism, Informal Politics, and Domestic Violence. *Journal of Social Policy*, 45 (2): 287–304.

Johnson J. E., Saarinen A. (2013) Twenty-First-Century Feminisms under Repression: Gender Regime Change and the Women's Crisis Center Movement in Russia. *Signs*, 38 (3): 543–567.

Jukina I. I. (2007) *Russkij feminizm kak vyzov sovremennosti* [Russian Feminism Challenging Modernity]. St. Petersburg: Aletejja.

Kondakov A. (2012) An Essay on Feminist Thinking in Russia: To Be Born a Feminist. *Oñati Socio-Legal Series*, 2 (7): 33–47.

Kondakov A. (2013) Deradikalizacija rossijskogo feminizma, ili kak Dzhudit Batler, nakonec, vstrelila Aleksandru Kollontaj [Deradicalisation of Russian Feminism or How Judith Butler met Alexandra Kollontai]. *Neprikosnovennyj Zapas*, 88 (2): 67–81.

Kondakov A. (2017) Rabstvo i gospodstvo kak vzaimnye otnoshenija: analiz dogovornyh otnoshenij v BDSM [Master and Slave as a Collaborative Relationship. An Analysis of Contractual Relationships in BDSM]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literature Observer], (147): 170–183.

Mitrofanova A. (2014) Kvir-feminizm kak konstruirovanie medial'nyh mirov [Queer-feminism as Media Worlds Construction]. A. Kondakov (ed.) *Na pereput'e: metodologija, teorija i praktika LGBT i kvir-issledovanij* [On the Crossroads: Methodology, Theory and Practice of LGBT and Queer Studies]. St. Petersburg: Centre for Independent Social Research: 55–67.

Moskovskiy Patriarkhat (2016) *Svyateyshiy patriarkh Kirill postavil podpis' pod obrashcheniem grazhdan za zapret abortov* [His Holiness Patriarch Kirill Signed the Appeal of Citizens for the Prohibition of Abortion]. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4625720.html> (accessed: 10 October 2017).

Omel'chenko, E. L. (2013) Solidarnosti i kul'turnye praktiki rossijskoj molodezhi nachala XXI veka: teoreticheskij kontekst [Solidarities and Cultural Practices of Russian Youth in the Beginning of the 21st Century: Theoretical Context]. *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological Research], 10: 52–61.

Pilkington H., Omel'chenko E. (2013) Regrounding Youth Cultural Theory (in Post-Socialist Youth Cultural Practice). *Sociology Compass*, 7 (3): 208–224.

- Postanovlenie Pravitel'stva RF (2000) *Ob utverzhenii perechnya tyazhelykh robot i robot s vrednymi ili opasnymi usloviyami truda, pri vypolnenii kotorykh zapreshchaetsya primeneniye truda zhenshchin* [On the Approval of a List of Heavy Work and Work in Harmful or Dangerous Working Conditions, in the Performance of which the Employment of Women is Prohibited] No.162 from 25.02.2000.
- Senkova O. (2018) 'Not So Much About Libido': Solidarities and Sexual Policies Grass-root Feminist Initiatives in Petersburg. *Sociology of Power*, 30 (1): 79–100.
- Shnyrova O. (2012) Rossijskij feminizm: zhdat' li novoj volny? [Russian Feminism: should We Wait for the New Wave?]. *Neprikosnovennyj zapas*, 83 (3): 52–60.
- Sozaev V. (2010) LGBT-dvizhenie v Rossii: portret v inter'ere [LGBT-movement in Russia: Portrait Indoors]. *Gendernye issledovaniya* [Gender Studies], 20 (21): 90–126.
- Sperling V. (2014) *Sex, Politics, and Putin: Political Legitimacy in Russia*. Oxford: Oxford University Press.
- Stella F., Nartova N. (2015) Sexual Citizenship, Nationalism and Biopolitics in Putin's Russia. F. Stella, Y. Taylor, T. Reynolds, A. Rogers (eds.) *Sexuality, Citizenship and Belonging: Trans-National and Intersectional Perspectives*. London: Routledge: 24–42.
- Stites R. (1991) *The Women's Liberation Movement in Russia. Feminism, Nihilism, and Bolshevism. 1860–1930*. Princeton: Princeton University Press.
- Tartakovskaja I. N. (2008) Lichnoe kak politicheskoe: vtoraja volna feminizma kak jeho 1968-go [Personal as Political: Second Wave Feminism as an Echo of 1968]. *Neprikosnovennyj Zapas*, 4 (60): 267–279.
- Temkina A., Zdravomyslova E. (2014) Gender's Crooked path: Feminism Confronts the Russian Patriarchy. *Current Sociology*, 62 (2): 253–270.
- Valocchi S. (2005) Not Yet Queer Enough: The Lessons of Queer Theory for the Sociology of Gender and Sexuality. *Gender & Society*, 19 (6): 750–770.
- VTSIOM (2016) *Press-vypusk № 3200 Nasilie. Beznakazannost'*. *Vozmezdnie?* [Violence. Impunity. Revenge?] Available at: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115864> (accessed: 10 October 2017).
- Willems J. (2014) Why 'Punk'? Religion, Anarchism and Feminism in Pussy Riot's Punk Prayer. *Religion, State & Society*, 42 (4): 403–419.
- Zdravomyslova E. A. (1996) Kollektivnaja biografija sovremennykh rossijskikh feministok [Russian Feminists' Collective Biography]. *Gendernoe izmerenie social'noj i politicheskoy aktivnosti v perehodnyj period* [The Gender Dimension of Social and Political Activity during the Transition Period]. St. Petersburg: Centre for Independent Social Research: 33–60.
- Zdravomyslova E. (2009) Gendernoe grazhdanstvo I abortnaia kul'tura [Gendered Citizenship and the Culture of Abortion]. E. Zdravomyslova, A. Temkina (eds.) *Zdorov'e i doverie: gendernyi podkhod k reproduktivnoi medicine* [Health and Trust: A Gender Approach to Reproductive medicine]. St. Petersburg: European University at St. Petersburg Press: 108–135.